

КУЛЬТУРА РОССИИ. ЦЕНА СВОБОДЫ

Годы больших обретений и потерь

Петр ТОДОРОВСКИЙ,
кинорежиссер.

И страна, и мы — действи-
ли искусств, перенесли се-
годня трудный, сложный пе-
риод. Издержки которого со-
путствуют и развитию куль-
туры. Последнее десятилетие показало, что культура — не
только люди, народ, но и
деньги. Тем не менее в сче-
таках, что получив возможность свободно выражать свои мысли, чувства, мнения, на-
стровили.

Русский народ невероятно талантлив, мы же, действи-
ли культуры и искусства, только
взрывоизбранные настроения народу. Я рад, что в искусстве в последние годы — особенно в кино — пришла замечательная смена.

Галина ГОЛМАЧЕВА,
художественный руководитель
центра искусств «Столица»
ДДХ.

Россия свободная, «невез-
сивая». От чего? Тоталитариз-
ма, идеологических шаров, цент-
рального комитета Окна же не
свобода от нравственности, об-
язанности, честно делать свое
дело, неизбывности быть поро-
дичным, ответственным.

В годы застоя главным доводом моих начальников было: «Инициатива наказу-
ема». И бунтует мои фантазии по-
стомически «прищеплены» жестими идеологическими рам-
ками, обязательной ответ-
ностью, «согласованием», ци-
татами, спрашивают... Как сумас-
шедшая, например, nosились в свое время по школам Москвы, испытывая циркуля-
ции «Красных колоколов» обяза-
тельно должны просмотреть все школьники столицы. Сегодня мне абсолютно все равно, кто там, наезжает, расчищает мою работу, и я ориентируюсь только на собственную совесть, работоспособность; моя компьютер постоянно в прокручиваниях вариантов: при-
дут ли зрители, то ли не то включены в спектакль — живу по принципу: насколько хватят сил, настолько и кру-
тись! Но все равно знаю: никто не будет на меня давить с требованием включить в про-
граммы чего-нибудь «идеоло-
гически выдержанного».

А российская культура се-
годня есть. Есть интересное кино, в театре есть Виктор в его широких произведениях, есть Андрей Житинкин. Возмож-
ности культуры сегодня нево-
ротно расширились, надо только умело ими пользоваться. Если раньше полные залы собирали российские фильмы. Ну Михаилов, Рязанов, то сегодня залы — битковые — собирают барды, камерные концерты — да, как ни удиви-
тельно, на камерных концер-
тах у нас аншлаги! Причем радостно, что много с родите-
лями приходит детей. Люди, мне кажется, стали вдумчивее тратить собственные деньги и время на увеселения. Куль-
тура ведь тоже товар. Кото-
рый до зрителя, потребителя, надо уметь довести. И хоро-
шо, когда товар этот качествен-
ный.

Мария ГРЕШНОВА,
директор кинотеатра.

Что мне дала свобода? В моей жизни практически ничего не изменилось. Как и рань-
ше, я что-то делаю для себя, что-то продюсю. Изменился только заказчик. Появилась возможность ездить за границу. Прягательство этих по-
ездок исчезло, как только их перестали запрещать. Меня это уже мало интересует, так как работа есть работа, здесь или там — все равно.

Сегодня мы обрели свободу выставлять все, что угод-
но. Естественно, куда же она денется, наша националь-
ная культура! Она может быть в том или ином состоянии, как, например, сегодня — в стадии «перемагничивания», смене координат, пересмотре цен-
ностей. Но, как всегда, мы прем-
даем всего начинавшее вовать с прошлым вместо выработы-
ния критерия новых ценно-
стей, начинавшее разваливать то, что уже было приобретено.

Свобода для художника —
большое испытание. Всевозмож-
ность не означает расцвет искусства. В истории человечес-
тва бывали залеты культуры на короткое время, потом следо-
вало падение. Замечено, что искусство кончается, когда ху-
дожник добывает денег. Примером благополучия ху-
дожников мало. Как правило —
измены общества. Может быть, неудовлетворенность и заставляет человека делать что-то исключительное. На каки-
то ухищрение мы нешли рань-
ше, чтобы сказать, что хотим.

Искусствоведы сетовали на эгоизм языка, малопонятный народу. Для моего поколения художников обязательны под-
текст, внутренний смысл в картинах. А для такого искус-
ства нужен свой элитарный зрителя. Сегодня все понимают, что фальшивость позуга. Ис-
кусство принадлежит народу. Художники пишут картины для определенного круга людей, мнение которых ему интересно.

Андрей САУКОВ,
кинорежиссер.

Да нет у нас никаких про-
блем, нет! Вот на засчет с 1 июля передачи, «про-
блемы» и начались. А по-
тому... Наш же кинотеатр при
Госфильмофонде всегда был,
так что — в рамках практики, конечно, — в нем воз-
можность показать что угодно: ни
акций нам никто не «пуска-
ет», никакой, ни репертуар нико-
гда не диктует. Всеобщее
активы были должны! Вот сей-
час народ очень часто под-
ходит с просьбами показать ка-
ко-нибудь наши, что слушаем:
вроде и артисты хорошие сним-
аются, содержание ничего, а
где они, наши фильмы-то? Та-
кое ощущение, что режиссе-
ры наши только и мечтали яко-
вски, чтобы на экране, как
сносятся ложки, ради этого
и режиссеры пошли... Вот
что, оказывается, под их раз-
говорами про «активы» скрывалось. Сейча-
с репертуар на неделю составят труды не-
вероятных стюардов. А людям
добра хочется, благородства.

Сегодня мы обрели свободу выставлять все, что угод-
но. Но выставки стали плат-
ные, аренды повышающие по-
стоянно дорожают. Поэтому и теперь одни картинки в пишу
для себя, без надежды на где-
то показать, другие — для за-
казчиков, в основном это ино-
странцы. Из языка в языке, зна-
ю, какая из интересует тем-
атика, формат и т. д.

Свобода для художника —
большое испытание. Всевозмож-
ность не означает расцвет искусства. В истории человечес-
тва бывали залеты культуры на короткое время, потом следо-
вало падение. Замечено, что искусство кончается, когда ху-
дожник добывает денег. Примером благополучия ху-
дожников мало. Как правило —
измены общества. Может быть, неудовлетворенность и заставляет человека делать что-то исключительное. На каки-
то ухищрение мы нешли рань-
ше, чтобы сказать, что хотим.

Искусствоведы сетовали на эгоизм языка, малопонятный народу. Для моего поколения художников обязательны под-
текст, внутренний смысл в картинах. А для такого искус-
ства нужен свой элитарный зрителя. Сегодня все понимают, что фальшивость позуга. Ис-
кусство принадлежит народу. Художники пишут картины для определенного круга людей, мнение которых ему интересно.

Андрей САУКОВ,
кинорежиссер.

Безусловно, последнее деся-
тилетие было необходимо так
называемому прогрессисту челове-
ку, чтобы ощутить новые, до-
сле или запрещенные виды, или
просто кардинальные возможно-
сти. Оно оказалось всплескне-
нием общественного сознания: боль-
ше стало открытости, меньше
внешних тормозов, боязни —
весьма заметные различия, как люди стали выглядеть, что
стали говорить. Хотя лично
меня сама по себе, побыва-
вшими свободы — в силу мое-
го возраста прежде всего —
не очень и коснулись в на-
шем кругу, в них было также

таких точек обсуждения, которые бы могли в нас внут-
ренний страх вызывать... Одни...

Годы эти привнесли в культуру и негативные изменения, которые совсем не радуют: из-за постоянной и всеобщей коммерциализации и вживления, и в книжной графике — в говори-
ли о том, что хорошо знало, говори-
ли о близком, пребывало в коньюнкту-
ре чистейшей воды, ничего общего порой с искусством.

Почти дословно, с очевидными
изменениями мы по-
вторяли общий путь культуры.

Когда в 85-м широко откры-
лись окна и двери, когда много-
чество людей, разные никогда
не встречавшиеся из-за рубежом, про-
шли в эту страну, и впервые в истории

страны или в других странах, в том числе в Соединенных Штатах Америки. И случилось неиз-
вестное потрясение от американского кино! Не фильмов, но от самой системы

американского кинематографа: предисловия, гонораров, технических возможностей. Даже от того, насколько свободно входит человек внутри этого, вро-
дь бы жестко лимитированного кинематографа. И мы попыта-
лись их систему перевести на российскую почву, российского менталитета. Дело, однако, в том, что дотоле пока никому и никогда не удавалось перевести на собственную почву американскую систему кино: ни Франции, ни Великобритании. Ни даже Гайана.

А вот несколько фактов.

Недавно киноведы — люди весьма объективные и несмотря на то что мы были вовлечены в идеологизированный процесс, провели опрос по выяснению лучшей картины всех времен и народов: И опрос, возглавляемый Борисом Абрамовичем, в котором мы будем мориться за эти люди. Но нужно быть спретившимися и перечеркивать другую сторону жизни, в которой было столько великих достижений. Всеобщее обязательное образование, бесплатное медицинское об-
служивание и жилье, практиче-
ски бесплатный транспорт, вели-
кие строительства... Мне кажется, что те, которые не ценят то,

что было создано, — люди без совести.

Сегодня мы живем на острове или на отколавшейся льдине, которая плывет неведомо куда. Я далек от того, чтобы только восхвалить прошлое.

При советской власти мы можем сказать, что мы никогда не смирились с тем, что кто-то из нас

всегда был виноватом, а кто-то из нас всегда был правым. Но мы

всегда были виноваты, а кто-то из нас всегда был правым.

Сейчас о другом. О недавно закончившемся Междуна-
родном кинофестивале Вернен, о его эмблеме: однокружной группой барабанщи-
це в образе джульетты Мазини, которую когда-то начер-
тил своей рукой великий Фильмини, — символ одиночества. Кинематограф сегодня действи-
тельно остался в одиночестве — переживает кризис. Об

этот кризис весь мир. Но мы не слышим этих криков — мы старили.

Как бы мы сейчас ни кляли Горбачева, что бы о нем ни говорили, не надо забывать, что он умолял не распадаться, не вырываться из-за полити-
ческих и идеологических крахов. В ситуациях же миро-
вого кинематографа он, этот фильм Энзенштейна, оказался более чем необходимым.

Опрос «Кино и реальность»:

первое место — фильм Флор-
иан «Научки с Севера», на втором — «Человек с киноаппара-
том» Дмитрия Борткова — Бортова, который наставил на коммунистическую расширившуюся действительность.

Третий опрос «Кино и другие искусства» (музыка, живое изображение...): «Андрей Тарковский...»

Из-за чего же это произошло?

«Наум КЛЕЙМАН»,
директор музея кино.

Наши жизни сейчас, считаю, большой котел, в котором что-то и вырывается, что-то на-
до вырываться, что-то вырываться, что-то вырывается из-за го-
сударства. Это, конечно, не заслуга государства.

И вот выясняется, что художники сегодня ничего не си-
муют. В этой свободе они об-
ратились в способом, который не способен себя спрятать.

Третий опрос «Кино и другие искусства» (музыка, живое изображение...): «Андрей Тарковский...»

Из-за чего же это произошло?

«Наум КЛЕЙМАН»,
директор музея кино.

Наши жизни сейчас, считаю, большой котел, в котором что-то и вырывается, что-то на-
до вырываться, что-то вырываться, что-то вырывается из-за го-
сударства. Это, конечно, не заслуга государства.

И вот выясняется, что художники сегодня ничего не си-
муют. В этой свободе они об-
ратились в способом, который не способен себя спрятать.

Третий опрос «Кино и другие искусства» (музыка, живое изображение...): «Андрей Тарковский...»

Из-за чего же это произошло?

«Наум КЛЕЙМАН»,
директор музея кино.

Наши жизни сейчас, считаю, большой котел, в котором что-то и вырывается, что-то на-
до вырываться, что-то вырываться, что-то вырывается из-за го-
сударства. Это, конечно, не заслуга государства.

И вот выясняется, что художники сегодня ничего не си-
муют. В этой свободе они об-
ратились в способом, который не способен себя спрятать.

Третий опрос «Кино и другие искусства» (музыка, живое изображение...): «Андрей Тарковский...»

Из-за чего же это произошло?

«Наум КЛЕЙМАН»,
директор музея кино.

Наши жизни сейчас, считаю, большой котел, в котором что-то и вырывается, что-то на-
до вырываться, что-то вырываться, что-то вырывается из-за го-
сударства. Это, конечно, не заслуга государства.

И вот выясняется, что художники сегодня ничего не си-
муют. В этой свободе они об-
ратились в способом, который не способен себя спрятать.

Третий опрос «Кино и другие искусства» (музыка, живое изображение...): «Андрей Тарковский...»

Из-за чего же это произошло?

«Наум КЛЕЙМАН»,
директор музея кино.

Наши жизни сейчас, считаю, большой котел, в котором что-то и вырывается, что-то на-
до вырываться, что-то вырываться, что-то вырывается из-за го-
сударства. Это, конечно, не заслуга государства.

И вот выясняется, что художники сегодня ничего не си-
муют. В этой свободе они об-
ратились в способом, который не способен себя спрятать.

Третий опрос «Кино и другие искусства» (музыка, живое изображение...): «Андрей Тарковский...»

Из-за чего же это произошло?

«Наум КЛЕЙМАН»,
директор музея кино.

Наши жизни сейчас, считаю, большой котел, в котором что-то и вырывается, что-то на-
до вырываться, что-то вырываться, что-то вырывается из-за го-
сударства. Это, конечно, не заслуга государства.

И вот выясняется, что художники сегодня ничего не си-
муют. В этой свободе они об-
ратились в способом, который не способен себя спрятать.

Третий опрос «Кино и другие искусства» (музыка, живое изображение...): «Андрей Тарковский...»

Из-за чего же это произошло?

«Наум КЛЕЙМАН»,
директор музея кино.

Наши жизни сейчас, считаю, большой котел, в котором что-то и вырывается, что-то на-
до вырываться, что-то вырываться, что-то вырывается из-за го-
сударства. Это, конечно, не заслуга государства.

И вот выясняется, что художники сегодня ничего не си-
муют. В этой свободе они об-
ратились в способом, который не способен себя спрятать.

Третий опрос «Кино и другие искусства» (музыка, живое изображение...): «Андрей Тарковский...

Л. Собинов и баритон М. Бочаров, артиста театра Эммане, под аккомпанемент дирижера этого театра Ю. Славинского. Роль фирмы Дидрих до сих пор стоит в углу гостиной. Леонид Собинов был дружен и с главой дома, и с его тремя дочерьми Еленой, Антониной и Надеждой, которые также частенько были его аккомпаниаторами. В одном из некогда многочисленных, чудом уцелевших письмах к Елене он с любовью в сердце рассказал о попытке дирижера, самого коварного и фальшивого человека в мире: во что бы то ни стало устроить ему маленький провалчик.

стным Георгием Николаевичем Славянским, который потом стал, как говорится, домашним врачом его внучки Татьяны, изданием по алгебре, геометрии и стереометрии, привлекательными тем, что писаны они были доходчиво, убедительно, ярко и на близкие к жизни сюжеты.

Много-много интересного можно «раскопать» и сейчас в этом доме. Не могу не процитировать слова из листовки 1906 года под названием «Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом», которая известна, вероятно, лишь небольшому кругу историков, но как забоденно они звучат. Вот послышите: «Люди, которые ходят с красным флагом, хотят, чтобы чиновники, генералы, министры и всякие началь-

ченые многим ими дали путевку в жизнь. Сынши стоят на зад, 1892 году, было даже организовано «Общество бывших учеников Московского Частного Реального Училища К. К. Мазинга». После 1917 года некоторые выпускники реальных училищ и рабочие курсы составили тоннелную прослойку красной интеллигенции, тогда их называли «спасителями». И все равно время от времени черные туши над ними слушались, склоняясь кабинетами грозно обернувшись настоящей бедой. И тут михаил Карлович порой отчаянно помогал. А он, не боялся ничего. Он мог, зорко посматривая в пишущую

ПЕЛ СОБИНОВ В ГОСТИНОЙ

Москву и москвичей можно любить по-разному и за многое. Трудно только смыться с ее насыщенными, запущенными видами, но если хотя бы чуть-чуть отвлечься от нашего сегодня, от этого разделения на очень богатых и очень бедных, то можно увидеть все же, что первопрестольная красавица и нова словесная корона, своей родословной, своей [известности] историй.

Я светлой заметной звездой чоловеку, которому единственному дано разрешение фотографировать город, точнее, его сердце с высоты колокольни Ильи Великого. Листать его фотоальбомы о нашей столице можно часами. Но и у меня есть возможность любоваться необычным видом Москвы. Это — когда, в прихожую в гости к одному из авторов нашей газеты и могу подогнуть стоять у окна ее квартиры. А видно из него вот что: синяя — сразу несколько башен Кремля (я справа — башни стены музея имени А. С. Пушкина) и купола старинного храма св. Антония, в котором по преданию занялся с ее наследниками, занялся со своей последней женой Иван Грозный, напротив, за рекой, сараи гранады Дома на набережной, а совсем к подножию земельной остроги стоящим на берегу московской усадьбы с полуразрушенными амбарами, который не один год пытаются отреставрировать и отдать под центр детского творчества. Само окно огромно, поэтому и может вместить в себя весь этот оконек.

В квартире этой жила долгие годы Карл Карлович Мазинг, известный ученик, математик, один из видных деятелей русской науки, занимавший за свою долгу жизнь, как сказали в Дорогомиловском спасо-Богородицком храме: «весь Москву, различные ответственные посты. Из них, для нас важно не только то, что действительный статский советник К. Мазинг был гласным Московского городской думы и Московского уездного земского собрания, а то, что возглавлял он Московское отделение императорского русского технического общества Механико-технического научного общества, организованное Общество распространения коммерческого образования, созданное одно из известных по всей России реальных училищ. В первые революционные годы он и не подумал эмигрировать. Более того, два с лишним года из Крыма, где лежала последние болезни и отступающие от крымских, с незадолго до кончиной приближением Карл Карлович добирался через Кисловодск и Ростов-на-Дону в Москву. Новая столица нового государства отклинулась на это сразу несколькими привлекательными на землю созданными рабочими. Он выбирал Горную академию...

Как аборигены и пресса не хотят и слышать о Фре-Диаволо на сцене «La Scala». Хотя, несмотря на неудачную постановку, успех Собинова превзошел все ожидания, как радости привыкались странное чувство общины и горечи за все то, что привнесло перенять.

Сохранялись, слава Богу, наше здесь экспонты не сколько стихотворений В. Гиляровского. Вот одно из них, мы впервые публикуют его, моментально созданное под впечатлением старинного романа «Юнона безумная», который пели дуэт Елена и Антонин.

Я много в жизни перенес, Некрасовский судьбою. И проносило немало грязи. Над этой буйной головой... А выше скуки и покоя, Тишине сады, поля, размы —

Уж пусть гудят над головой Огни молнии и грозы.

Был тут и К. Бальмонт, дружины дома были Зарновы, особенно близко Карл Карлович был с профессором-патологом Димитрием Николаевичем, познакомившимся с Сечиновым, Тимирязевым и совсем молодым еще бывшим

стю, и полиция перестала винить и управлять Россией. Вместе с ними ходят половина русского народа, фабричные рабочие, магазинные служащие, студенты, другие образованные люди. Полиция непреклоняет против нас и говорит: «Всё крамолников — они против Царя! — Здесь дело не в Царе, а в чиновниках и погодке. Царь живет в Петербурге, в полиции везде. Пусть наши выборные люди из всех городов и уездов сядут в столицу в Государственную Думу и вместе обсудят, как надо управлять Россией... Русские народы не должны враждовать между собой. Иначе Россия не дойдет до крайней гибели и распадется на части. Иностранные государства воспользуются нашими бедствиями и разберут половину русских областей: Польшу, Финляндию, Остзейский край и Кавказ... не находит ли своих братьев, как Кан и Австралия...»

Карл Карлович Мазинг в политических расприх этого времени никогда не вступал, он принадлежал к кругу либерально-настроенной интеллигенции. Самой своей жизнью и деятельностью он просто служил на называемых рабочими курсами. Многим,

и самим молодым еще бывшим

стю, и полиция перестала винить и управлять Россией.

Вместе с ними ходят половина русского народа, фабричные рабочие, магазинные служащие, студенты, другие образованные люди. Полиция непреклоняет против нас и говорит:

«Всё крамолников — они против Царя! — Здесь дело не в Царе, а в чиновниках и погодке. Царь живет в Петербурге, в полиции везде. Пусть наши выборные люди из всех городов и уездов сядут в столицу в Государственную Думу и вместе обсудят, как надо управлять Россией... Русские народы не должны враждовать между собой. Иначе Россия не дойдет до крайней гибели и распадется на части. Иностранные государства воспользуются нашими бедствиями и разберут половину русских областей: Польшу, Финляндию, Остзейский край и Кавказ... не находит ли своих братьев, как Кан и Австралия...»

Карл Карлович и при жизни звал «едущими рабочими» до революции из называемых рабочими курсами. Многим,

и самим молодым еще бывшим

стю, и полиция перестала винить и управлять Россией.

Вместе с ними ходят половина русского народа, фабричные рабочие, магазинные служащие, студенты, другие образованные люди. Полиция непреклоняет против нас и говорит:

«Всё крамолников — они против Царя! — Здесь дело не в Царе, а в чиновниках и погодке. Царь живет в Петербурге, в полиции везде. Пусть наши выборные люди из всех городов и уездов сядут в столицу в Государственную Думу и вместе обсудят, как надо управлять Россией... Русские народы не должны враждовать между собой. Иначе Россия не дойдет до крайней гибели и распадется на части. Иностранные государства воспользуются нашими бедствиями и разберут половину русских областей: Польшу, Финляндию, Остзейский край и Кавказ... не находит ли своих братьев, как Кан и Австралия...»

Карл Карлович и при жизни звал «едущими рабочими» до революции из называемых рабочими курсами. Многим,

и самим молодым еще бывшим

стю, и полиция перестала винить и управлять Россией.

Вместе с ними ходят половина русского народа, фабричные рабочие, магазинные служащие, студенты, другие образованные люди. Полиция непреклоняет против нас и говорит:

«Всё крамолников — они против Царя! — Здесь дело не в Царе, а в чиновниках и погодке. Царь живет в Петербурге, в полиции везде. Пусть наши выборные люди из всех городов и уездов сядут в столицу в Государственную Думу и вместе обсудят, как надо управлять Россией... Русские народы не должны враждовать между собой. Иначе Россия не дойдет до крайней гибели и распадется на части. Иностранные государства воспользуются нашими бедствиями и разберут половину русских областей: Польшу, Финляндию, Остзейский край и Кавказ... не находит ли своих братьев, как Кан и Австралия...»

Карл Карлович и при жизни звал «едущими рабочими» до революции из называемых рабочими курсами. Многим,

и самим молодым еще бывшим

стю, и полиция перестала винить и управлять Россией.

Вместе с ними ходят половина русского народа, фабричные рабочие, магазинные служащие, студенты, другие образованные люди. Полиция непреклоняет против нас и говорит:

«Всё крамолников — они против Царя! — Здесь дело не в Царе, а в чиновниках и погодке. Царь живет в Петербурге, в полиции везде. Пусть наши выборные люди из всех городов и уездов сядут в столицу в Государственную Думу и вместе обсудят, как надо управлять Россией... Русские народы не должны враждовать между собой. Иначе Россия не дойдет до крайней гибели и распадется на части. Иностранные государства воспользуются нашими бедствиями и разберут половину русских областей: Польшу, Финляндию, Остзейский край и Кавказ... не находит ли своих братьев, как Кан и Австралия...»

Карл Карлович и при жизни звал «едущими рабочими» до революции из называемых рабочими курсами. Многим,

и самим молодым еще бывшим

стю, и полиция перестала винить и управлять Россией.

Вместе с ними ходят половина русского народа, фабричные рабочие, магазинные служащие, студенты, другие образованные люди. Полиция непреклоняет против нас и говорит:

«Всё крамолников — они против Царя! — Здесь дело не в Царе, а в чиновниках и погодке. Царь живет в Петербурге, в полиции везде. Пусть наши выборные люди из всех городов и уездов сядут в столицу в Государственную Думу и вместе обсудят, как надо управлять Россией... Русские народы не должны враждовать между собой. Иначе Россия не дойдет до крайней гибели и распадется на части. Иностранные государства воспользуются нашими бедствиями и разберут половину русских областей: Польшу, Финляндию, Остзейский край и Кавказ... не находит ли своих братьев, как Кан и Австралия...»

Карл Карлович и при жизни звал «едущими рабочими» до революции из называемых рабочими курсами. Многим,

и самим молодым еще бывшим

стю, и полиция перестала винить и управлять Россией.

Вместе с ними ходят половина русского народа, фабричные рабочие, магазинные служащие, студенты, другие образованные люди. Полиция непреклоняет против нас и говорит:

«Всё крамолников — они против Царя! — Здесь дело не в Царе, а в чиновниках и погодке. Царь живет в Петербурге, в полиции везде. Пусть наши выборные люди из всех городов и уездов сядут в столицу в Государственную Думу и вместе обсудят, как надо управлять Россией... Русские народы не должны враждовать между собой. Иначе Россия не дойдет до крайней гибели и распадется на части. Иностранные государства воспользуются нашими бедствиями и разберут половину русских областей: Польшу, Финляндию, Остзейский край и Кавказ... не находит ли своих братьев, как Кан и Австралия...»

Карл Карлович и при жизни звал «едущими рабочими» до революции из называемых рабочими курсами. Многим,

и самим молодым еще бывшим

стю, и полиция перестала винить и управлять Россией.

Вместе с ними ходят половина русского народа, фабричные рабочие, магазинные служащие, студенты, другие образованные люди. Полиция непреклоняет против нас и говорит:

«Всё крамолников — они против Царя! — Здесь дело не в Царе, а в чиновниках и погодке. Царь живет в Петербурге, в полиции везде. Пусть наши выборные люди из всех городов и уездов сядут в столицу в Государственную Думу и вместе обсудят, как надо управлять Россией... Русские народы не должны враждовать между собой. Иначе Россия не дойдет до крайней гибели и распадется на части. Иностранные государства воспользуются нашими бедствиями и разберут половину русских областей: Польшу, Финляндию, Остзейский край и Кавказ... не находит ли своих братьев, как Кан и Австралия...»

Карл Карлович и при жизни звал «едущими рабочими» до революции из называемых рабочими курсами. Многим,

и самим молодым еще бывшим

стю, и полиция перестала винить и управлять Россией.

Вместе с ними ходят половина русского народа, фабричные рабочие, магазинные служащие, студенты, другие образованные люди. Полиция непреклоняет против нас и говорит:

«Всё крамолников — они против Царя! — Здесь дело не в Царе, а в чиновниках и погодке. Царь живет в Петербурге, в полиции везде. Пусть наши выборные люди из всех городов и уездов сядут в столицу в Государственную Думу и вместе обсудят, как надо управлять Россией... Русские народы не должны враждовать между собой. Иначе Россия не дойдет до крайней гибели и распадется на части. Иностранные государства воспользуются нашими бедствиями и разберут половину русских областей: Польшу, Финляндию, Остзейский край и Кавказ... не находит ли своих братьев, как Кан и Австралия...»

Карл Карлович и при жизни звал «едущими рабочими» до революции из называемых рабочими курсами. Многим,

и самим молодым еще бывшим

стю, и полиция перестала винить и управлять Россией.

Вместе с ними ходят половина русского народа, фабричные рабочие, магазинные служащие, студенты, другие образованные люди. Полиция непреклоняет против нас и говорит:

«Всё крамолников — они против Царя! — Здесь дело не в Царе, а в чиновниках и погодке. Царь живет в Петербурге, в полиции везде. Пусть наши выборные люди из всех городов и уездов сядут в столицу в Государственную Думу и вместе обсудят, как надо управлять Россией... Русские народы не должны враждовать между собой. Иначе Россия не дойдет до крайней гибели и распадется на части. Иностранные государства воспользуются нашими бедствиями и разберут половину русских областей: Польшу, Финляндию, Остзейский край и Кавказ... не находит ли своих братьев, как Кан и Австралия...»

Карл Карлович и при жизни звал «едущими рабочими» до революции из называемых рабочими курсами. Многим,

и самим молодым еще бывшим

стю, и полиция перестала винить и управлять Россией.

Вместе с ними ходят половина русского народа, фабричные рабочие, магазинные служащие, студенты, другие образованные люди. Полиция непреклоняет против нас и говорит:

«Всё крамолников — они против Царя! — Здесь дело не в Царе, а в чиновниках и погодке. Царь живет в Петербурге, в полиции везде. Пусть наши выборные люди из всех городов и уездов сядут в столицу в Гос

ДЕСЯТЫЙ ИМЕНИ ЧАЙКОВСКОГО

Лев Власенко: мы— друзья конкурсантов!

Перед началом соревнования пианистов мы встречались с их наставниками, судьей Львом Власенко.

— Лев Николаевич, вам уже приходилось быть членом жюри Конкурса Чайковского, но председателем его вы стали впервые, а это роль куда более трудная. Как вы готовились к ней и в чем видите главную свою задачу?

— Разумеется, в том, чтобы обеспечить четкую, склонную к работе в нормальной, доброжелательной атмосфере. Надеюсь, у меня не будет с этим проблем, ведь все члены жюри, лауреаты Конкурса Чайковского, прошли через мои руки. Я четырь раза был членом жюри и трижды — секретарем, пропустив только два конкурса — первым, на котором сам демонстрировал свои способности, и пятым Секретариатом, кстати, тоже очень ценный опыт. С одной стороны, находясь в самом тесном контакте с конкурсантами, с другой — являясь доверенным лицом председателя жюри, Эмили Григорьевна Гильельс недавно соединилась со мной.

— А вот, например, на третьем конкурсе, когда разошлись мнения, кому присудить первую премию — нашему Григорию Соколову или американцу Мише Дильтуру. Это знаменитая история — медалью со стразами ее хорошо помнят. Многие члены жюри и публика отдавали предпочтение Дильтуру, но Эмили Григорьевна рассудила иначе. И, думаю, было прав.

— Замечательно сыграла на первых двух турах, на третьем Миша выступила не очень удачно. А выступление с оркестром — это отдельный, особый конкурс, турнир внутри турнира. И вот этот-то конкурс Соколов, бесспорно, выиграл.

Любопытный эпизод — я принял Григория Соколова в жюри нынешнего конкурса, но он отказался. И знает, по какой причине? Сказал: «Не судите и не осуждайте будущих!»

— Но разве то раз придается судить. И как избежать подобного разброка: члены жюри, добиться согласия причем, такого, что будет беззаботно признано спрятанными?

— Ну систематично давно придумана. Если вы выставлены на общий оценка более чем на 3 балла,

— у нас принят двадцатипятибалльная шкала — выше или ниже получающегося среднего балла, она не учтывается. Ибо невозможно так сильно отличаться от остальных членов жюри и при этом оказаться фаворитом.

У нас в жюри — концентрирующиеся пианисты, связанные исключительно дружескими узами, и на интересах своего учебного заведения. Только третий составляет те, что проподают в Московской консерватории. (Никогда не денешься — она всегда основной поставщик кадров).

Состав жюри очень сокращен — всего 12 человек, это тоже облегчает работу. Голосование, разумеется, тайное, но за завершение конкурса мы с Михаилом Боксирескиным, секретарем, познакомим всех членов жюри с тем, как каждый из них голосовал по ходу состязания.

Для того чтобы не ошибиться в конкурсантах, в них, напротив, дать право на неудачу, которые вполне может объяснить кастровским болезненным, мы разделили первый тур на две подгруппы. Причем после первого подтюра голосование не проводится.

Опять-таки для того, чтобы

составить наиболее полное и объективное представление обо всех участниках, не будем просить на сокращении программы.

— Не победу, конечно же, как водится, рассчитывают далеко не все. А как по-вашему, главное — участвовать или выигрывать?

— Составляем мы сами выступали на конкурсе?

— Когда я приехал в Будапешт на Конкурс имени Листа, я никому не был известен и сам не помышлял ни о каких наградах. Просто играть перед такими мастерами, замечательными музыкантами, входившими в комиссию, уже было счастье.

Другое дело — Конкурс Чайковского. У меня уже была первая премия Конкурса Листа, от меня многое ожидалось, и, естественно, хотелось показать свою высоту. Волновалась я ужасно — как начать, даже не помни. А потом «собралась». Мне самому понравилось, как я сыграл сонату Листа, публика принимала очень тепло, и у меня показалось хорошее настроение. Клиберна я услышал уже после того, как он стал победителем, пришел в восторг и понял, что у меня нет причин быть недовольным своей второй премией. Короче, что для меня главное, зависит от внешних личных обстоятельств.

— Но традиции — ваши по-желания конкурсантам.

— Дорогие мои, забудьте о том, что вы играете на конкурсе! И будьте уверены в доброжелательности членов жюри — ведь все мы в разное время прошли через это испытание и понимаем вас, как никто!

Интервью взяла Н. ШАДРИНА.

— Это заслуга бывшей страны чудес?

— Да лучше реальный парк, чем несбыточная страна! Во всяком случае антигуру и опыт Зураба Церетели и распоряжение Президента России позволят и нашим детям хоть в миниатюре, но познакомиться со знаменитыми городами мира, как в Диснейленде, Франции, Англии, Дании.

— Вы думаете, я против? Пусть будет, ради Бога, гемболе — к 850-летию Москвы. Но будет ли этой дате России, и какая — вот во что бы хотела видеть побольше вложений от Президента, и от нас с вами...

— По традиции — ваши по-

желания конкурсантам.

— Любопытно, надо же разбираться в природе телевизоров! Конечно, никому не придет в голову спрашивать о реальной жизни в широте Федорова и генерала Лебедя, кто они прежде или почему у вас имидж убийцы? Разве не ясно, что это — условности жанра, избранного Урмасом Оттом или Андреем Карапузовым?

— Но почему же Владимир Молчанов или Лев Андрианов убегает без этой разности раскрывать и самые большие имена, и самые сложные темы? С каких это пор первоочередность в средствах стала признаком профессионализма, а жанр кухонной сцены с яицами Дубров — предметом нашего ежедневного информационного пространства?

— Да как же вы не понимаете, что в яиц жары как телевизора, излученный официозом, никакой премии не воспринимает?

— А по-моему, на все времена есть только одна правда — чистая. То есть не злобническая никаких конъюнктур — ни официозной, ни кухонной...

Подслушал И. СЕМИН.

Разговоры запросто

— НАКОНЕЦ-ТО СПОДОБИЛИСЬ БУДЕТ МОСКОВСКИЙ ПАРК ЧУДЕС...

— Это заслуга бывшей страны чудес?

— Да лучше реальный парк, чем несбыточная страна! Во всяком случае антигуру и опыт Зураба Церетели и распоряжение Президента России позволят и нашим детям хоть в миниатюре, но познакомиться со знаменитыми городами мира, как в Диснейленде, Франции, Англии, Дании.

— Вы думаете, я против? Пусть будет, ради Бога, гемболе — к 850-летию Москвы. Но будет ли этой дате России, и какая — вот во что бы хотела видеть побольше вложений от Президента, и от нас с вами...

— По традиции — ваши по-

желания конкурсантам.

— Любопытно, надо же разбираться в природе телевизоров! Конечно, никому не придет в голову спрашивать о реальной жизни в широте Федорова и генерала Лебедя, кто они прежде или почему у вас имидж убийцы? Разве не ясно, что это — условности жанра, избранного Урмасом Оттом или Андреем Карапузовым?

— Но почему же Владимир Молчанов или Лев Андрианов убегает без этой разности раскрывать и самые большие имена, и самые сложные темы? С каких это пор первоочередность в средствах стала признаком профессионализма, а жанр кухонной сцены с яицами Дубров — предметом нашего ежедневного информационного пространства?

— Да как же вы не понимаете, что в яиц жары как телевизора, излученный официозом, никакой премии не воспринимает?

— А по-моему, на все времена есть только одна правда — чистая. То есть не злобническая никаких конъюнктур — ни официозной, ни кухонной...

Подслушал И. СЕМИН.

(Соб. инф.).

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской национальной оперы в Будапеште было безупречным.

Случаются спектакли, впечатление от которых не горячее перевеса в слово.

Тогда, чтобы собраться с духом, необходимо формальный повод. Константина Райкини и Натальи Владовой — исполнители главных ролей в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец» — были трижды на премии сезона (40 долларов), разделавшись с быстрой молнией. Их впечатление от спектакля венгерской Венгерской

МОТОРИ

ВЕСЕЛЫЙ РЕЙТИНГ
ДЛЯ ОБЕЗЬЯНОК

Он состоялся на общественном просмотре самых смешных мультиков, устроенным Музеем кино и Ассоциацией аниматоров.

Причем на этот раз в уже ставшей традиционной акции преобладали действительно чистородные творения жанра, то есть расчлененные на детях в отличие от засилья клоунских фильмов. Поэтому удалось среди тридцати работ отметить целый десяток — от «Шута Балакрева» Г. Бариновой до «Коммунальной истории» А. Шуманова, от «Обезьянки, вперед!» стайршнинцев Л. Шварцмана до «Багаринки» А. Харитиды... Голосовали зрители, в куоруме был постоянно, хотя ведущий в Дуну вход бесплатный, в далеке еще до Киноцентра.

ЗАНАВЕСИ

ПУСТЬ ПРИБУДЕТ
В ДЕТСКИХ ЗАЛАХ

Во всяком случае, в кинотеатре прибыло после Московского фестиваля спектаклем «Любовь кольца» из Мюзикл-холла кукольного театра «Огниво» и Московского детского кукольного театра кукол. Словом, есть куда пойти с ребенком и помимо музейческих «домашников», в театр — он живой...

УДАРИМ
ШЕКСПИРОМ
ПО КОРРУПЦИИ!

Благо, такую возможность нам предоставила английский театр «Чик бай Джайлз», захвативший нам в ходе своей круизометрии.

Всякий раз эта труппа во главе с Джоном Доиниленком входит по пути континента один спектакль, но зато — не самую актуальную тему. Не этот раз это тема продажного правительства, которое тем не менее тщится проклинать поборникам моральных ценностей. Оказывается, тема не только для всех комментаторов, но и для всех зрителей, кто доказывает убедительным образом антигеройский театр, многократно увенчанный престижными призами за творческий эксперимент, в необычной постановке шекспировской «Мары за меру».

МУЗЫКА

КАК «ЗАЛЧНИКИ»
ШЕВЧУКА
ПОБЕДИЛИ

И пришлось знаменитому «ДДТ» в конто-веки выступать перед полу-пустыми трибуналами мюзикльного стадиона «Динамо».

Хотя за это предавали, под забором, собрались тысячи поклонников, но 70 тысяч «захлопы» на билет не сработали, увы, немногие.

[По сообщениям ИТАР-ТАСС и соб. инф.]

ТОЛЬКО ОДИН
ВОПРОС

— Альбинон — реальная жизнь — потому что я «креально живу» и с Каримой в Севилье, и с Графиней в Версале или Петербурге, и с Амелией в Дрездене Египта, и с Фройс из «Семена Котка» на Украине. Исполняла эту роль, всегда радовалась, что могу перенестись в свои детские годы, такие, как, наверное, были и есть моя такая же отчаянная Фройса.

Я совершенно свободна на сцене в проявлениях своих чувств и считаю сиюминутность переживаниями, пожалуй, самыми тайными моментом творчества. Поэтому можно сказать, что я проиграла много жизней в разных эпохах, странах и предлагаемых мной обстоятельствах. И все мои героини для меня были и есть моя реальная жизнь и даже в каком-то степени моя личный жизненный опыт.

— Привязанность к тем самым ролям изменяется с течением времени?

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— По большому счету, иногда. Но уютнее всего мне кажется наедине с природой. И при этом чувствую себя абсолютно беззащитной перед этой торнеструющей негостью. Может, вы подскажете, куда обращаться, как бороться с этим болезненным беззащитством? Такого же мнения придерживается и Вячеслав Васильевич Тихонов. Но боялся, что перед таким беспределом и Штирлицем был бы беспомощен...

Да что там Штирлиц! Судя по всему, и стирли Мюллеру было бы не легко. Справился бы, конечно, но стоит ли до этого доводить, господа развязатели и рекламисты!

ДИАЛОГ О САМОМ ГЛАВНОМ

Елена Образцова:

Мне жизнь идет на пользу!

Кажется, ее юношеская деятельность не прекращается ни минуты. Не успев отдохнуть после выступления в Таганроге и Ростове-на-Дону, устроила презентацию Международного центра музыкального и хореографического мастерства в Большом зале Московской консерватории. Она — президент, выше-президент — тоже люди известные — Михаила Кастрински, Михаила Лавровского...

Отремонтировав свой центр, вскоре опять куда-то улетела. Но в промежутках мы все-таки успели встретиться с ней и поговорить.

— Скажите, сцена может вас сейчас и сейчас с собой и с жизнью, что и в начале вашего творческого восхождения?

— Мне кажется, что даже с большой. Ибо всякий раз, выходя на сцену, подозрительно спрашивала себя: «А вдруг это выступление будет для меня последним!»

— Что такое ценное для вас в собственно творчестве?

— На мой взгляд, невозможно разделить творчество на какие-нибудь части. Как нельзя разделять на части собственно жизнью. Это единственный громадный процесс осознания самой себя, окружающих тебя людей и природы. Жизнь обогащает человека, и все богатство души, приобретенное опытом и данное от природы, ты каждый раз выносишь на сцену. В этом и заключено существо творчества, самое ценное в нем.

— Сцена для вас или жизнь или реальность?

— Абсолютно реальная жизнь. Потому что я «креально живу» и с Каримой в Севилье, и с Графиней в Версале или Петербурге, и с Амелией в Дрездене Египта, и с Фройс из «Семена Котка» на Украине. Исполняла эту роль, всегда радовалась, что могу перенестись в свои детские годы, такие, как, наверное, были и есть моя такая же отчаянная Фройса.

Я совершенно свободна на сцене в проявлениях своих чувств и считаю сиюминутность переживаниями, пожалуй, самыми тайными моментом творчества. Поэтому можно сказать, что я проиграла много жизней в разных эпохах, странах и предлагаемых мной обстоятельствах. И все мои героини для меня были и есть моя реальная жизнь и даже в каком-то степени моя личный жизненный опыт.

— Привязанность к тем самым ролям изменяется с течением времени?

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— По большому счету, иногда. Но уютнее всего мне кажется наедине с природой. И при этом чувствую себя абсолютно беззащитной перед этой торнеструющей негостью. Может, вы подскажете, куда обращаться, как бороться с этим болезненным беззащитством?

— Испытывая ли ты, что в жизни?

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно — на сцене или в жизни?

— Искусство не может отрадить от посредственности. Да и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно.

— Но с другой стороны, в жизни любят творческого человека.

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моя на-туре сознания сила ее характеристики и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя наиболее комфортно

В прошлом номере газеты мы сообщали о Первом международном фестивале радиоспектаклей «Приз «Останкино»-94», проходившем в конце мая в Суздале. Бродя бы и нет — нудили возвращаться к напечатанному. Не сенсация ведь, не Кани, не «Кинотавр». И вообще все это фестиваль — зато по нынешним временам отчти страшна и уж точно, совершило несовершенная и немодная. Но у немодных идей есть какие-то особые обации, потому что трудно не поддаться.

Журналисты на фестивале оказались не теми чо. Тема — непопулярная. Радио, конечно, по-прежнему слушают, но в основном новости, погоду, музыку. Современному работягам членов наше не легко ухватить час-другой, чтобы сосредоточенно послушать то, что-нибудь драматическое в эфире. Телевидение прочее, определенное, примикивает, вечно для восприятия. Занимает нам, потребителями, книгу, газету, кино, театр, в иногда и реальность. Радио, интеллектуальное же природе своей, оставляет простор для фантазии и будит воображение. Не случайно мир сейчас перенял бут радико, растет аудитория, появляются престис, открывают все новые и новые радиостанции. Арнольд Уэйкер, из-

ПОСЛУШАЙТЕ!

Эфирный театр

вестный английский драматург, председатель жюри «Приза «Останкино», гордо признался, что в его доме во всех комнатах радиопрограммы настроены на четвертый канал Би-Би-си, программу, целиком отданную литературно-художественному вещанию.

Фестиваль радиоспектаклей — явление не уникальное, они регулярно проходят в Германии, Италии, Японии. Ни Россия, ни Советский Союз, несмотря на богатейшие традиции радиовещания и радиокультуры, никогда не участвовали ни в одном. Наверное, поэтому нынешний Первый международный формировался неслыханно. К нам приезжали специалисты, смотрели, знали, изучали обстановку. Нынешняя команда с ОРД, Австрийского радио, говорила мне, что долго удивлялась, получая из Москвы факсы с прглашениями, не могла поверить, что здесь действительно собираются профессионалы и получают интересные и полезные обкции. Она, кстати, привезла интереснейший мини-спектакль «Нинельхордфор». Это — название деревни на границе с Венгрией, местечка, ко-

торое люди обычно видят только из окна автомобиля. Автор несколько раз проехал от Вены до Нинельхордфора и обратно, добросовестно записал все увиденное вокруг — людей на обочинах, дома, деревья, даже транспортные средства, проезжающие мимо его автомобиля, в таких написал краткую историю Нинельхордфора. Получился три разных текста — первым перечислены все машины, попавшие на путь. Второй — машины дотошное описание окрестности. Третья часть — рассказ о Нинельхордфоре и его жителях. Эти тексты пронесли на микрофон дикторы, в записях они звучат одновременно, поочередно, солируя. Одним громкое — два яда сплошь, па па-па-па. Впечатление, погруженное, необычное, пробуждающее ниневатографические ассоциации, ранние работы Вандерса, например.

Хейди Грюндманн, та самая маленькая команда, руководила спектаклем отделом «Юнионрадио», куда можно пройти с любыми, самыми фантастическими радиопроектами, если проект вызывает интерес, осуществляет его можно самостоятельно от начала до конца.

А НЕ ВЗЯТЬСЯ ЛИ НАМ ЗА ЧАЙКОВСКОГО?

«УНДИНА»-КОКТЕЙЛЬ

Здравствуй, дорогой мой театр «Геликон!» Слушу по-здорово тебе с очередной премьерой, спешу порадоватьсь твоей творческой удаче. Спектакль на музыку Чайковского «Ундин», этот чарующий, фантастический цветок, выращенный режиссером Дмитрием Бертманом, на твоих подиумах и не существует никаких мигдолов в подиумном мире, просто чудо, как хороши! Как гласят программы, «Ундин» в своем вершине есть юношеское представление из юношеских, сокровенных и уничтоженных опер «Ундин», «Ромео и Джульетта», «Маньчегор», «Севильский цирюльник», «Гамлет».

Примечательно, что твой беспримерный подиум — театральный акт, граничащий с античным творением (как никакие речи!) от дарования художника неродятся.

«Вернемся к Чайковскому! — провозгласил постановщик «Линкольн» в театре «Геликон» в эту же Петрушку изменений. Тот, кто у нас не любит делать переложение своих опер, потому что, цитируя, «все архивы принадлежат уродовать то, что заслужено для оркестра», — театр пустыня «Линкольн» под рояль Петра Ильчу изменений. Тот, кто у нас не любит делать переложение своих опер, потому что, цитируя, «все архивы принадлежат уродовать то, что заслужено для оркестра», — театр пустыня «Линкольн» под рояль Петра Ильчу изменений. Тот, кто у нас не любит делать переложение своих опер, потому что, цитируя, «все архивы принадлежат уродовать то, что заслужено для оркестра», — театр пустыня «Линкольн» под рояль Петра Ильчу изменений.

Одно, пожалуй, можно называть бесспорными: Это исполнительница партии Лизы Наталья Загоринская. Как будто не красавица — в глаз не оторвать. Как будто малоплатиновые — не это почему-то не важно. Пoet — как пишет и потому всецело сосредоточен на легких музикальных образах, в связи с советским великим автором «Линкольн». Другие откровения, по крайней мере, бесспорные, не видно. Даже там, где в театре «Геликон» пришлось искать, — в области режиссерской.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами. Каноны же приобретены.

Одно, пожалуй, можно называть бесспорными: Это исполнительница партии Лизы Наталья Загоринская. Как будто не красавица — в глаз не оторвать. Как будто малоплатиновые — не это почему-то не важно. Пoet — как пишет и потому всецело сосредоточен на легких музикальных образах, в связи с советским великим автором «Линкольн».

Другие откровения, по крайней мере, бесспорные, не видно. Даже там, где в театре «Геликон» пришлось искать, — в области режиссерской.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные новации Дмитрия Бертмана (который, кажется, задумывал еще ли не юношеский триллер) на деле благополучно укладываются в рамки, заданные братьями Чайковскими, архитекторами.

Сногшибательные

ЭХО РОДНЫХ ГОЛОСОВ

РЯДОМ С ПАВЛОВОЙ

— У меня всегда была феноменальная память, — с улыбкой говорит Валентина Ивановна Кошуба, рассказывая удивительные подробности о давних событиях, связанных с Русским балетом Сергея Дягилева, Анной Павловой, Борисом Никитиным и многими другими знаменитостями.

С бывшей балериной дягилевского Русского балета мы встретились в ее квартире на этой зеленой улице в центре Мадрида, где она живет уже более 40 лет и преподает в школе классического танца. Ее работа отмечена премьерами наградами Испании.

— Я родилась за две годы до окончания прошлого века, — рассказывает Валентина Ивановна. — Мой отец был армянским офицером, Онокника Воскесуано и Институт восточных языков в Петербурге, а мама была дочерью предводителя дворянства Черниговской губернии Рубец-Мосальского. Мама очень любила музыку и балет и очень страдала, что не может стать танцовщицей. Существовавшая тогда привычка в прохождении ног могла бы позволить этого. Она часто мечтала: «Вот если у меня будет дочь...». Наша, от чеи мне в первом же безграничной любви к танцу. Моя ранние детские годы прошли в Ашхебаде, где слу-

жил отец под началом генерал-губернатора Куропаткина. Мне было уже 10 лет, когда я вновь оказалась в Москве и впервые увидела балет. Это был «Конек-Горбунок». Меня это представление просто потрясло. Я стала просить родителей отдать меня в Петербургскую балетную школу, но отец был наукофобом и сказал матери: «Лучше пусть она пойдет гусляр». Короче говоря, меня отдали в Александровский институт благородных девиц в Москве.

Но балет уже стал моей «близнецом». И когда в Москве открылась первая частная балетная школа Нелидовской, я поступила туда. Мне было почти 13 лет. А в ноябре 1914 года в Москву приехали Сергей Дягилев и Михаил Фокин искать молодых танцовщиц для кордебалета. В челябинской школе они выбрали Веру Никитинскую. Но мама меня не отпустила. Ровно через год, приехал Сергей Григорьев — администратор и режиссер Русского балета. Я уже училась в другой школе — у Мосаловой, но меня разыскали. Со

слезами мама меня отпустила. Ее убедили, что после окончания шестимесячного контракта я вернулась в Москву. Забегая вперед скажу, что вновь увидела Россию я только через 70 лет, в 1985 году, когда приезжала на свою родину по туристической путевке.

В ноябре 1915 года меня привезли в Швейцарию, где мы готовились к турне по Америке. Это и стало началом моей карьеры и знакомством с выдающимися танцовщиками. Весной 1916 года благодаря усилиям короля Испании Никисина был освобожден из немецкого плена и присоединился к труппе в Нью-Йорке. Я не пропустила ни одного его выступления. Даже сейчас, закрыв глаза, вижу, как танцевали Никитинский и Анна Павлова. В «Петрушки» у нас каждый раз появлялись слезы, когда мы смотрели заключительную сцену убийства Петрушки Авром. Мне очень нравился Нурин, в восхищении феноменальной техникой барышников. Нодумаю, что им не удалось превзойти Никитинского, который не играл и не танцевал, а просто

перерождался и сливался с образом. Он говорил нам: «Если вы на сцене, то у вас должно танцевать все тело, даже кончики носов».

От Анны Павловой исходило нечто такое, что полностью захватывало зрителей. Я хорошо помню, как в «Жизели», в сцене безумия, когда балерины, ма, скрестив руки, буквально плыли в воздухе. В театре стоял стон. Овации были потом, когда спектакль закончился.

— Когда вы впервые увидели Анну Павлову?

— В 1909 году, когда мне было 11 лет, в Москве. После спектакля я в восторге вбежала за кулисы с букетом цветов, глаза, как в «Жизели», и Анна Павлова. В «Петрушки» у нас каждый раз появлялись слезы, когда мы смотрели заключительную сцену убийства Петрушки Авром. Мне очень нравился Нурин, в восхищении феноменальной техникой барышников. Но думают, что им не удалось превзойти Никитинского, который не играл и не танцевал, а просто

Б. ШЕХОВЦОВ.
МАДРИД.

НА КНИЖНЫХ РАЗВАЛАХ

«Я полон, юнна, одног стремленья...»

ВПЕРВЫЕ — ВСЕ МИКЕЛАНДЖЕЛО

О, как же эта женщина смела,
Раз мне погибелью гроз зарань;
Вокруга я держит в своих ранах
Она стать сокрушительна, мила,
Что оторвала язва.

За доброе ио мне расположение,
Я полон, юнна, одног стремленья —
Приятельство и счастье, я смилены —
Не сущим с докладами.
Но раскрайнейся не суметь в оно,

Прекрасный узреть — душин узды.

Ты предо мной Всепленную открыла.
Так преврати всего меня ты в оно,
Чтоб каждая порой мои и глядел.

Питают душу страсти — не покой,
Лишь тот достоин вечного признания,
Кто размышил на добрые деяния
Монету, но чешанин неземной.

Как явлю желанье
Добиться от природы,
Чтоб если бы настали годы
Никто не убоялся от сидени
Написана все старания.
Надеялся бы на то, что не волны,
И дни все сочтены,
Грядущие уходит беззаботно.
А в настоящем нынче мог отстать.

Вблизи и даже издали я и смог
Узреть небесный лин с его чертами.
Но не коснуться божества перстами,
Н и до тебя, о длина, пути далек.

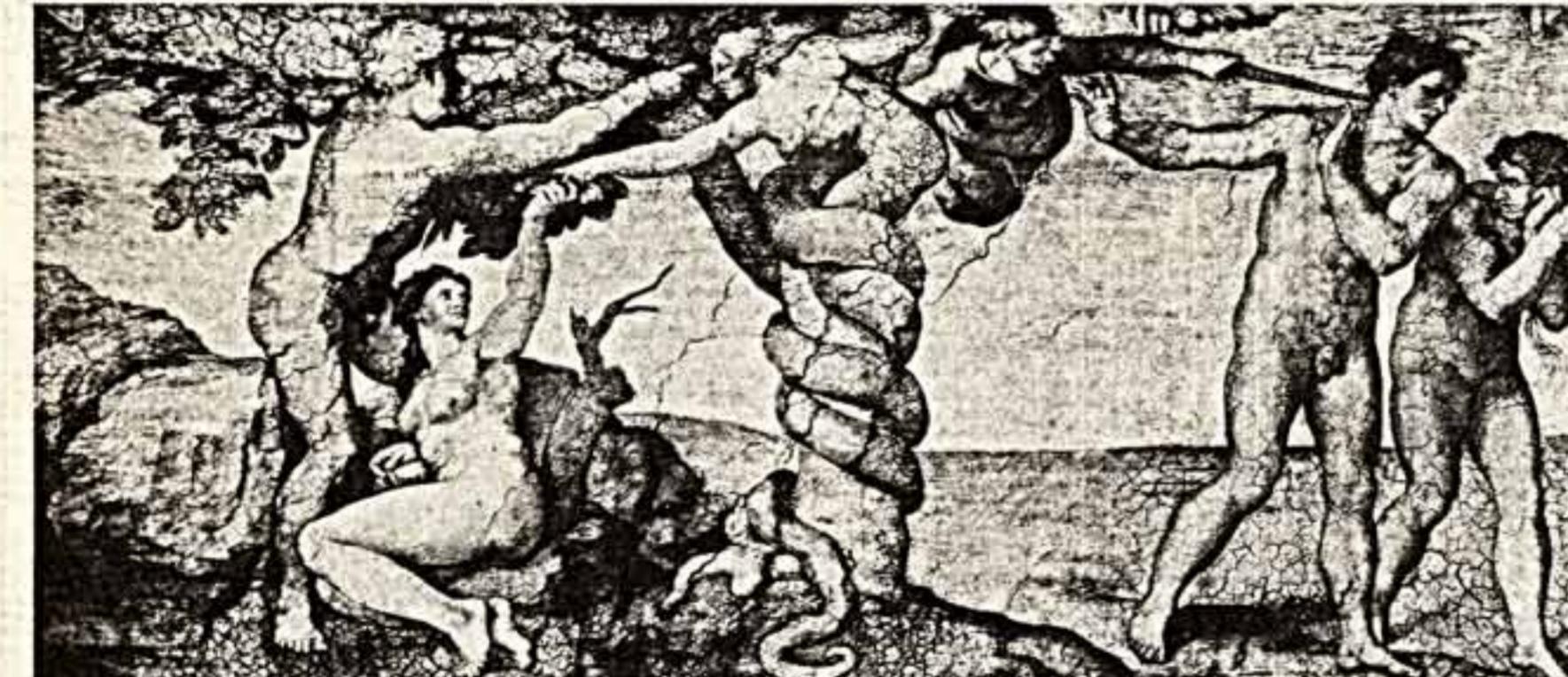
Зачем печалюсь я, охват тоской,
А сердце гложут горькие сомненья,
Да разве в жизни мне познать горечи,
Когда б не дар, исклоненный гробит

Чтоб вечными долгими не быть пред
занзи

Дум сокровенных так полет высок,
Что легкими владею и крыльями
И скопом парю над облаками,
Как беден радостей земных мирок!

Кто майской зелени не замечает,
Тому дышать весной не дано.

● Микеланджело. Изображение из ряда. Плафон Сикстинской капеллы.

ПО БРИЛЛИАНТАМ СПРУТ ПОЗЕТ В ЕВРОПУ

Какими только торговыми операциями не занимается в Англии Михаил В.-российский бизнесмен-посредник новой формации, который захватил энергично получившие прозвище «Деловики». Туда вдруг он срочно занял путь из проводившихся в Азии купли-продажи, то консервы или косметику. Бывает товар посыпается: автомобилиные запчасти, различные будильники, видеотехника. Использование знакомства, Михаил прибыл в Лондон более года назад, обзавелся здесь связями, встал на ноги, снял квартиру, где живет с женой и двумя детьми. Достаточно есть, чтобы его бизнес — дело кипит: когда не плюхно на «Бархатную», в городе прогорчиши.

Но все же «Деловики» далеко не тех русских, которые также позволяют себе в Лондоне, что приводят в изумление даже сограждан, как правило, коллегией спортивных инвесторов: когда не плюхно на «Бархатную», в городе прогорчиши.

На самом деле, «Деловики» давно не занимаются в Лондоне по краине мира 50 миллионов фунтов стерлингов. Скотланд-Ярд и английские службы безопасности обеспокоены происками сокращения этих денег, подозревая, что русская мафия использует либеральные зако-

ны финансового центра в лондонском Сити, чтобы коптить нефтяные капиталы. Вставляемые и российские власти. Как заявляют в интервью английской телекомпании Айт-эн-представитель Интерпола в России Юрий Мельников, от российских правоохранительных органов поступают много обращений с просьбами «протащить деньги, которые были переведены за границу». Но, к сожалению, мы не получаем адекватных ответов от наших коллег из других стран, скажем, из США.

Не только деловой мир Англии удивлен и обеспокоен по-видимому гостем с Востока. Английская полиция, как сообщают газеты «Санди таймс», взяла под пристальное наблюдение промывающих на Британских островах четырех российских бизнесменов. Они подозреваются в изнайденности с российской мафией, стремясь к честному и отнюдь не с туризмом целям. Как пишет та же «Санди таймс», за последние два года они скопили в себе внимание. Бизнесмены купили в Англии дорогие дома, открыли солидные счета в банках, через подставные компании зарегистрировали ряд компаний. Деятельны из Национальной криминальной разведывательной службы полагают, что они создают в Великобритании целую систему по «отмыванию» крупных финансовых средств, добываемых из

результате незаконных операций с наркотиками, вымогательства и преступления на территории бывшего СССР. По мнению руководителя службы, инспектора Генри Солтарида, действия русских, со всей очевидностью, свидетельствуют, что русская мафия, самая большая преступная организация в мире, достигла британских берегов.

Британские партнеры четырех россиян признали полиции в том, что в России им угрожали расправой, если они откажутся принять участие в противозаводских операциях. Один из них, Кристофер Джеймс, откуда они берут деньги? Мы здесь призывают считать, что они стоят в очереди за злобой, но никак не за дорогими автомобилями.

Не только деловой мир Англии удивлен и обеспокоен по-видимому гостем с Востока. Английская полиция, как сообщают газеты «Санди таймс», взяла под пристальное наблюдение промывающих на Британских островах четырех российских бизнесменов. Они подозреваются в изнайденности с российской мафией, стремясь к честному и отнюдь не с туризмом целям. Как пишет та же «Санди таймс», за последние два года они скопили в себе внимание. Бизнесмены купили в Англии дорогие дома, открыли солидные счета в банках, через подставные компании зарегистрировали ряд компаний. Деятельны из Национальной криминальной разведывательной службы полагают, что они создают в Великобритании целую систему по «отмыванию» крупных финансовых средств, добываемых из

его задач — отслеживать и предотвращать проникновение мафии из бывшего СССР и стран Восточной и Центральной Европы в туманный Альбион.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру. Мафиозный спрут кипропола через плавни «хлебозаводов» не только в Западную Европу, но и в США, другие страны.

Требовали полиции и секретаря служб вызывают участников случайного преступления из Великобритании.

Они напуганы, потому что они (его русские партнеры) провели достаточно времени в этой стране и знают его домашний адрес.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

Полиция ищет в Британии преступников, которые, по имеющимся сведениям, предназначены для этого.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны», подразумевая возможность военной агрессии со стороны Советского Союза, все чаще свято относят к российскому преступному миру.

«Русские идут» — это клич, которым пугали западного общества в годы «холодной войны

Ровно через неделю мир придет к экранам телевизоров. Миллионы людей, независимо от своей профессии, возраста и национальности, будут смотреть матчи чемпионата мира по футболу. Никто не нуждается объяснять, что футбол — это искусство. Тем более, не требует доказательств и то, что репортаж — тоже искусство. Голоса известных спортивных комментаторов становятся частью духовной жизни, частью истории. Кто из старшего поколения наших болельщиков не помнит Вадима Синявского? Его имя оставило стойким и легендарным, сколько, сколько, имена Яшина или Стасовских.

В издательстве «Искусство» подготовлен и выходят книги Г. Синявич и В. Романчук «Вадим Синявский. Репортажи. Документы. Воспоминания». Мы предлагаем вашему вниманию фрагмент из этой книги, в котором В. Синявский рассказывает о поездке московского «Динамо» по Латинской Америке в 50-е годы.

К сожалению, книга, уже полностью готовая к выпуску, все еще не может увидеть свет. Как всегда — причина в деньги. Быть может, среди старых болельщиков есть богатые люди.

Вадим Синявский

Жаркое лето в апреле

Европа — Южная Америка. Мы летим в Бразилию, Уругвай, Чили. Впереди будем играть на настоящем закодированном поле, на знаменитом стадионе «Маракана».

В самолете происшествий никаких не было. Правда, после небольшого ужиня два мыльных стардессы начали показывать нам, что такое спасительный пояс. Он лежал под кожаным креслом. Девушки уверяли, что фирма «САС» гарантирует пребывание на воде с этим поясом 24 часа. Выслушали здудимо. Потом, после небольшого молчания, начали юмористи, а в этой поездке, кроме доктора Ю. Зельдовича в этом качестве выступали братята Лев Яшин и Владимир Беляев, спросили: «А как в смысле акул?»

«Если мы встретимся с акулкой...», — ответили мы, — то будем разбраться с ней один на один. Представьте, что вам будет одиннадцатиметровый штрафной удар!»

Но посыпалось, конечно. Ни кто не хотел спать ни по-ночному, ни по-европейски времени, а спать было необходи-мо.

Наконец солнчило. Рио-де-Жанейро встречает советских футбольистов.

Да, мне многое приходилось видеть в встречах, но тут я был поражен. На нас бросилась толпа нас обнимали, целовали, даром звонки. Ох, эти звонки! Вы знаете, люди хотели просто добротиться до нас, подергать что-то.

Жаркая встреча... Прохладное здание аэропорта... Таможня... Интересуются нашими сигаретами, но, пожалуй, больше всего — папиросами «Казбек».

Автобус везет нас в горы, в небольшую двухэтажную деревянную гостиницу, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты. Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать. Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб. У него небольшая штат работников — он сам, его супруга, сын с женой и одна уборщица. Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб. У него небольшая штат работников — он сам, его супруга, сын с женой и одна уборщица. Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все есть.

Перед нашей гостиницей деревянная площадка, где царят тишина, куда почтенному еще не добрались корреспонденты.

Здесь можно было снять пиджак и галстук, который просто не давал дышать.

Здесь было прохладно и уютно.

Хозяин гостиницы — чуб.

У него небольшая штат работников — он сам, его супруга,

сын с женой и одна уборщица.

Это на два этажа, но все всегда на месте, всегда все